

его скрытаго присутствія при всѣхъ почти важнѣйшихъ событіяхъ. Въ наше время много ли найдется народовъ, въ судьбахъ которыхъ не участвовали бы, болѣе или менѣе, дѣятельно ихъ же историческія преданія?“

Кудрявцевъ, кромѣ того, вѣроятно, вспоминать, какое *практическое* значеніе получило изученіе исторіи именно въ его время; какъ опасались исторіи люди, руководившіеся *реакціей* противъ излишествъ и бредней 1848 года; какъ они боялись изображенія эпохъ, въ которыхъ духъ свободы внушалъ людямъ великія идеи и подвиги, и какъ они не менѣе того запрещали изображать эпохи, когда внѣшній гнетъ сокрушалъ въ обществѣ благородныя инстинкты человѣка и вызывалъ наружу дурныя соки. Въ этомъ случаѣ ярые противники исторіи сами громко свидѣтельствовали о ея высокомъ значеніи. Съ другой стороны, Кудрявцевъ не могъ не имѣть въ виду, какое нравственное и воспитательное значеніе получаетъ, именно при такихъ обстоятельствахъ, изученіе прошлаго. Мы припоминаемъ, какъ высоко тогда цѣнили въ профессорскихъ кругахъ почтенное, слишкомъ забытое въ наше время, — сочиненіе Шмидта: „Ueber die Denk- und Glaubensfreiheit unter den Caesaren“, и какое хорошее, возвышающее духъ впечатлѣніе производило чтеніе этой книги на студентовъ.

При тогдашней изумительной взыскательности цензуры, Кудрявцевъ не могъ, конечно, открыто высказать свою мысль, и только съ помощью сдѣланныхъ сейчасть замѣчаній можно, какъ намъ кажется, понять настоящій смыслъ его словъ: „Древній человѣкъ бралъ у исторіи одну ея хорошую сторону, хотѣлъ отъ нея примѣровъ, образцовъ, наставленій; многосторонняя мысль нашихъ современниковъ съ одинаковымъ интересомъ изучаетъ эпохи упадка общественнаго благосостоянія и нравственности, какъ и времена процвѣтанія человѣческихъ обществъ; она еще болѣе проникнута желаніемъ поучаться у прошедшаго и, не довольствуясь одною славною стороною исторіи, ищетъ себѣ назиданія въ самихъ бѣдствіяхъ отжившихъ поколѣній и ихъ слабостяхъ“. Кудрявцеву приходилось защищать свою науку не только противъ официальныхъ мѣръ, стѣснявшихъ дѣятельность историка, но почти-что еще болѣе противъ общественныхъ теченій, которыя при тогдашней удушливой атмосферѣ разрастались до изумительныхъ притязаній. По этому поводу онъ приводитъ, между прочимъ, одинъ чрезвычайно забавный фактъ изъ тогдашнихъ литературныхъ нравовъ, рассказывая, какъ Грановскаго упрекали за то, что онъ выбралъ для одной изъ своихъ историческихъ характеристикъ — Бэкона Веруламскаго, „человѣка, въ жизни кото-